

Д.Н. МАМИН
СИБИРЯК

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Старый шайтан (Сибирские рассказы)

МАМИН, Дмитрий Наркисович, псевдоним — Д. Сибиряк (известен как Д. Н. Мамин-Сибиряк) (25.X(6.XI).1852, Висимо-Шайтанский завод Верхотурского у. Пермской губ.- 2(15).XI.1912, Петербург) — прозаик, драматург. Родился в семье заводского священника. С 1866 по 1868 г. учился в Екатеринбургском духовном училище, а затем до 1872 г. в Пермской духовной семинарии. В 1872 г. М. едет в Петербург, где поступает на ветеринарное отделение Медико-хирургической академии. В поисках заработка он с 1874 г. ста-

новится репортером, поставляя в газеты отчеты о заседаниях научных обществ, В 1876 г., не кончив курса в академии, М. поступает на юридический факультет Петербургского университета, но через год из-за болезни вынужден вернуться на Урал, где он живет, по большей части в Екатеринбурге, до 1891 г., зарабатывая частными уроками и литературным трудом. В 1891 г. М. переезжает в Петербург. Здесь, а также в Царском Селе под Петербургом он прожил до самой смерти.

Содержание

I.....	.0006
II.....	.0016
III.....	.0026
IV.....	.0036
V.....	.0045

Д.Н. Мамин-Сибиряк
Старый шайтан
Рассказ

Осип Максимыч Чебаченко, «ушибленный женой» доктор, как говорили про него злые языки, по обыкновению молчал, а его жена Дарья Гавриловна, бывшая акушерка, ликовала.

— Это будет целесообразно... — повторяла она ни к селу, ни к городу. — Да, целесообразно... Мадам Нансен исходила с мужем на лыжах всю Швецию, а затем Шпицберген; мистрис Пири тоже на лыжах исходила со своим мужем, капитаном Пири, всю Гренландию... Ты слышишь, Осип Максимыч?..

— Гм... да... то есть целесообразно...

— Отчего же я не могу ехать, то есть идти с вами в экспедицию? Кажется, ничего нецелесообразного в этом нет?

— О, да... гм... вообще... Очень целесообразно...

В тоне мужа слышалась некоторая ирония, но жена давно привыкла не обращать на него внимания. Он был плечистый, коренастый мужчина, с окладистой русой бородкой, лет под сорок; она — сильная брюнетка с усиками

и большими красными руками. В последнее время она была особенно занята собой, что забавляло мужа. Такая простецкая бабища и вдруг принялась на старости лет рядиться. Дарья Гавриловна и в молодости не блистала красотой, а теперь модные костюмы положительно делали ее смешной. Она походила на горничную, донашивающую старые платья своей барыни. Всего больше доставалось лицу — Дарья Гавриловна чем-то каждый вечер растирала его, засыпала пудрой, массировала морщины в углах глаз, подводила глаза, чтобы они казались больше, и подолгу «работала» перед зеркалом, не стесняясь присутствия мужа. Секрет этого запоздалого кокетства заключался в том, что в заброшенном на далекий север уездном городишке Заволочье она являлась почти единственной дамой и на этом основании пользовалась некоторым вниманием мужчин.

В Заволочье было всего четыре тысячи жителей, а интеллигенция — наперечет по пальцам. И какая интеллигенция: какие-то дряхлые старцы, дослуживавшие свой срок на пенсию, молодые — начинающие люди, при-

езжавшие сюда на короткое время, до приискания настоящего места, и, наконец, очень сомнительные чиновники с прошлым, которые отбывали здесь свою чиновничью ссылку. Народ был все бессемейный, а две — три дамы достигли того предельного возраста, когда мужчины бывают только вежливы. Одним словом, Дарья Гавриловна почувствовала себя женщиной.

«Что же, на чужой стороне и старушка — хлеб», — ядовито думал про себя Осип Максимыч, наблюдая молодившуюся жену.

По наружному виду доктор казался добродушным малым, но, в сущности, он отличался скрытою ехидностью и даже ядовитостью. Если эти милые душевные качества не проявлялись постоянно, то только потому, что он боялся своей жены. Ненавидел ее и боялся. Она отвечала ему тою же монетой, но с тою разницей, что нисколько его не боялась. В общем они составляли то, что называется счастливой парочкой.

Поднятый разговор об экспедиции, затеянной председателем земской управы Костылевым, как доктор и предчувствовал, закончил-

ся следующим супружеским диалогом:

— С нами примет участие Люстиг, — вскользь заметила она.

— Не может быть? У него блуждающая почка... Это не целесообразно... Виноват, я только теперь догадываюсь, для чего ты сшила себе зеленую фланелевую мужскую блузу...

— Оставь, пожалуйста... Ты ничего не понимаешь. У тебя всегда найдется какой-нибудь паллиатив...

Образование Дарьи Гавриловны было довольно скудно, и на этом основании она особенно любила вставлять иностранные слова, иногда совершенно неуместно, как в данном случае. Впрочем, ее репертуар в этом отношении не отличался обширностью: паллиатив, корректно, компромисс и т. д.

— Ты съездишь к нашему председателю земской управы... — продолжала Дарья Гавриловна как ни в чем не бывало, — и уговоришься с ним окончательно... Он так упрашивал меня принять участие в этой экспедиции.

«Врет, все врет... — думал доктор. — Впрочем, милейший Григорий Семеныч и сам немного того... не все дома...»

Чтобы быть последовательным, доктор отправился к председателю и повел дело довольно дипломатически, чтобы не показаться навязчивым. Но Григорий Семеныч предупредил его.

— А я только хотел ехать к вам, Осип Максимыч, чтобы уговориться относительно нашей экспедиции. Меня уже спрашивали Люстиг и Фомин.

Председатель земской управы Костылев отличался очень веселым характером и неистощимой предприимчивостью. В качестве холостяка он имел все права быть веселым, но за предприимчивость ему попадало. Последним председательским «пунктиком» было оживление глухого северного края при помощи путей сообщения, для чего он выпрямлял течение глухих упрямых рек, проводил новые дороги по непроходимым дебрям, мечтал о соединительных каналах, пароходстве и даже своей собственной, земской Заволочской железной дороге. Его называли мечтателем и советовали обратиться к воздухоплаванию. Закупаемая экспедиция была связана именно с целью пройти новую линию земской дороги,

которая должна была соединить Заволочье с бассейном Печоры. Наполовину была уже сделана просека, и оставалось докончить вторую половину.

— Очень хорошо... — повторял Костылев, потирая руки от удовольствия. — Какие места я вам покажу... Пальчики оближете!..

Доктора немного смущало только то, что Костылев ни слова не говорит об участии в экспедиции Дарьи Гавриловны, что составляло суть его визита. Самому ему как-то неловко было говорить об этом. Доктор сидел на диване и курил папиросу за папиросой, а Костылев, кудрявый блондин с большими близорукими глазами, шагал по комнате и развивал свои планы, постоянно повторяя: «Не правда ли?»

У доктора уже являлось предательское желание уйти домой, что он и сделал бы, если бы не боялся показаться жене с пустыми руками. Но в самый критический момент его выручили Люстиг и Фомин. В Заволочье звонков не полагалось, двери не затворялись (во всем городе был всего один вор), и гостеприимный хозяин, когда в передней слышалось

топтанье и предупредительный кашель, обыкновенно кричал, как часовой на посту: «Кто там?» Но свои люди вваливались без всяких церемоний. Лесничий Люстиг, тонкий, черноволосый господин с претензиями провинциального щеголя, с брелоками, булавкой в галстук и модными перстеньками, еще в передней визгливо продолжал спор, очевидно, начатый еще дорогой:

— А я вам говорю, Аркадий Яковлич, что будет прекрасная погода... да!.. Мой aneroid никогда меня не обманывает, а потом я старый лесной волк...

— А мой барометр предсказывает ненастье, — сказал Фомин, довольно неуклюжий господин, косолапый и с несоразмерно длинной спиной, точно самой природой предназначенный всю жизнь волочить таксаторскую цепь. — Да, ненастье...

— Врет ваш барометр! А вы вечно желаете спорить и портите другим характер... Мой aneroid... Впрочем, вы можете и дома оставаться, а мы совершим экспедицию и без вас... Ах, доктор, здравствуйте!.. Вот кстати, голубчик! А я только что от вас... да...

Люстиг играл в Заволочье роль души общества. Немного играл на гитаре, пел большим тенориком малороссийские песни, никогда не отказывался от партии в винт, рассказывал остроумные анекдоты и при всяком удобном случае считал почему-то нужным уверять всех, что он настоящий, коренной хохол, несмотря на свое имя, отчество и фамилию — Карл Карлович Люстиг.

— Ну, так как, Григорий Семеныч? — говорил Люстиг, фамильярно хлопая Костылева по плечу. — Решено: оживляем край? Пусть губернатор говорит, что у нас в Заволочском уезде петух с тремя курицами подохнет с голоду, а мы ананасы будем разводить... Ах, кстати: Дарья Гавриловна согласилась принять участие в нашей экспедиции. Знаете, это самый лучший знак: разве возможна жизнь без женщины? Я ей, то есть Дарье Гавриловне, свои лакированные ботфорты послал еще утром... Ах, виноват, я, кажется, выдаю чужой секрет...

— Что же, отлично... — бормотал Костылев, поглядывая на ухмылявшегося Фомина. — Да, хорошо...

Таким образом, вопрос был решен, и доктор мог вернуться на свое пепелище со спокойной совестью. Дорогой он тоже ухмылялся и повторял про себя: «Тоже обрадовала милейшая Дарья Гавриловна почтеннейшую публику... Вот дурища писаная!» Он был прав, потому что не успела за ним затвориться дверь, как Фомин и Костылев накиннулись на Люстига.

— Вы нас без ножа зарезали!!. Ну, куда мы потащим за собой эту корову?.. И все ваш язык, Карл Карлыч...

— Я... что же я? — вертелся Люстиг. — Я тут ни при чем. Она сама пристала ко мне с ножом к горлу... Как же отказать даме?

— Ну и ступайте с ней вдвоем оживлять край... — ворчал Фомин, пользуясь случаем. — Две ночи придется провести в лесу, и вдруг дама... тьфу!.. А вы ей свои сапоги посылаете...

— Это какая-то зебра полосатая! — ругался Костылев. — И я могу только удивляться, что некоторые люди могут на нее обращать внимание...

Друзья доктора рассуждали, как истинные

друзья, и чуть не подрались.

Сборы в экспедицию немного затянулись из-за того, что Дарья Гавриловна слишком долго выбирала фасон мужских панталон для своего костюма. Вопрос получился самый серьезный и рассматривался со всех точек зрения, с принятием во внимание всевозможных дорожных случайностей. Разрешился он тем, что Дарья Гавриловна собственноручно соорудила себе настоящие кавалерийские рейтузы. Доктор так и покатился со смеху, когда она показала ему в примерке.

— Вот это так целесообразно и никаких паллиативов! — заметил он с обычной ядовитостью. — Корректно вполне и без компромиссов...

— Болван!..

Члены экспедиции собрались у Костылева и всячески изоощряли свое остроумие по адресу Дарьи Гавриловны.

— Недаром говорится, что бабьи сборы — гусиный век, — ворчал Фомин. — Одним словом, будет зеленая чертова кукла... А все Люстиг со своим языком... У меня барометр пада-

ет, господа...

Не менее внимания занял вопрос относительно головного убора, пока Дарья Гавриловна не остановилась на высокой шляпе тирольских охотников с орлиным пером. Последнее, впрочем, пришлось заменить петушиным, но это были уже пустяки.

Наконец костюм был готов в окончательной форме и назначен день выступления экспедиции. Стояли последние июльские дни, и погода начала хмуриться. Но ждать дольше было некогда. В состав экспедиции, кроме упомянутых выше лиц, входили лесник Парфен, в качестве «вожа», и председательский кучер Евсей. Половину дороги предполагалось сделать по просеке на лошадях, а дальше — пешком. Ранним утром у ворот докторского дома стояли шесть верховых лошадей. Первоначально Дарья Гавриловна хотела ехать в дамском седле, но ввиду трудностей пути согласилась сесть в мужское, тем более, что где-то читала об англичанках, которые ездят по-мужски. Картина получилась во всяком случае эффектная, и Люстиг был в восторге, когда круглые ноги Дарьи Гавриловны об-

рисовались в седле во всей своей красоте.

— Я даже и не подозревал, что у вас такие красивые ноги, Дарья Гавриловна, — с утонченной любезностью говорил Люстиг.

— Мало ли вы чего не подозреваете... — кокетливо отвечала она, краснея от комплимента.

Костылев и Фомин только переглядывались, а доктор морщился. А вдруг рейтузы при каком-нибудь прыжке лошади лопнут? Кучер Евсей ухмылялся, а лесник Парфен, человек мрачного характера, старался не смотреть на шалую барыню и даже отплевывался.

Было рано, и экспедиция выступила из Заволочья, не возбуждая внимания еще спавших обывателей. Скверно было только то, что небо начинало хмуриться. За городом сейчас же начинался лес, прорезанный еще свежей просекой. Везде валялись неубранные бревна, вывороченные пни, кучи хвороста, так что экспедиция вытянулась гуськом. Люстиг все время ехал за Дарьей Гавриловной и болтал всякий вздор.

— Если бы вы вместо блузы, Дарья Гавриловна, надели гусарский мундир, было бы

еще лучше.

— Ах, отстаньте, насмешник... Мне и без того так стыдно... Все мужчины, и я одна женщина...

— А мне так совсем не стыдно...

В голове экспедиции ехал «вож» Парфен с двумя ружьями за спиной, а последними — председатель и Фомин.

— А ведь она походит на зеленого попугая, — уверял Костылев. — Не правда ли?

— И отчасти на Робинзона Крузо.

— Вернее — помесь Робинзона с зеленым попугаем... Новый зоологический вид. А милейший Люстиг напоминает огорченную миногу...

Просека тянулась на двадцать верст, до урочища Ядьва. Конечная цель путешествия была река Кибос, где была небольшая деревушка Войтух. Костылев, страстный поклонник природы, целую зиму рассказывал о красотах девственного леса, но их пока никто еще не замечал. Лес тянулся какой-то чахлый, болотный. Ели и березы были вытянуты какими-то метелками и обросли бороатым лишайником, точно старческой бородой. Жест-

кая болотная трава не придавала особенной красоты пейзажу, а проросли белого оленьего моха придавали ему траурный характер. Единственно, что было красиво, это гиганты сибирские кедры. Они стояли, как бояре, в дорогих бархатных зеленых шубах. Некоторые деревья были в два обхвата.

— Разве это не красиво? — кричал Костылев, когда проезжали мимо такого великана. — Не правда ли? Некоторые деревья были так красивы, что мы их обходили просекой... Жаль рубить такого красавца.

Сначала этот восторг разделяли и другие, а потом начались протесты:

— И совершенно напрасно не рубили. Мы теперь вдвое дольше проедем из-за вашей сентиментальности.

Дарья Гавриловна, отъехав верст пять, перестала болтать и напрасно старалась устроиться в седле поудобнее. У нее начали отекать ноги и ломило спину. Седло оказалось самое неудобное, заставлявшее чувствовать каждое движение лошади. В довершение всего пошел дождь, и Дарья Гавриловна гневно обратилась к председателю:

— Что же это такое, Григорий Семеныч?

— Очень просто: дождь...

— А где же обещанная вами природа?

— Посмотрите внимательно кругом. Вон впереди прекрасный кедр.

— Благодарю вас...

К счастью, начавшийся дождь прекратился, и все приободрились, даже унылый скептик Фомин. Доктор только теперь догадался, что следовало захватить пледы и макинтош. Вон председатель оказался хитрее других: Парфен вез в тороках для него походный брезент.

— Благодарите бога, что в конце июля нет мошкеры, — оправдывался председатель.

— Мы походим сейчас на героев Майн-Рида или Купера и без мошкеры, — отозвался доктор. — Вероятно, вы помните романы «Всадник без головы», «Следопыт»...

— Первое относится к Люстигу, — заметил Фомин. — Этот милорд плохо кончит, я это предчувствую.

Последние версты для Дарьи Гавриловны были настоящей пыткой. Она стерла ноги до крови и должна была молчать, чтобы не по-

дать повода к остроумию мужчин. А Парфен точно назло на все вопросы, скоро ли будет Ядьва, самым хладнокровным тоном отвечал:

— А вот сейчас, барышня... в один секунд...

— Он или сошел с ума, или смеется над нами! — негодовала Дарья Гавриловна, едва держась в седле.

— Pour être belle — il faut souffrir [1],- отвечал Люстиг.

До Ядьвы ехали часов пять. Дарью Гавриловну сняли с седла чуть не полумертвую. Она едва держалась на ногах, и Люстиг должен был водить ее под руку, как опоенную лошадь. Остановку сделали на красивой лужайке, на берегу речки Ядьвы, где кончалась просека. Парфен устроил сейчас же громадный костер и повесил над ним походный медный чайник, чтобы согреть воды для чая.

— А ведь недурно, господа!.. — восхищался Костылев. — И если подумать, что всего через несколько лет эта пустыня оживится... Появятся заводы, фабрики, мельницы, бумажные заводы, хлебопашество — и все это только благодаря новой дороге!.. Вырастут починки, деревушки, целые села... Не правда ли?.. Я

верю в наш север, который до сих пор совершенно пропадал. Прибавьте к этому, что здесь найдут каменный уголь, медные руды, золото, нефть...

Все ничего не имели против будущего оживления настоящей пустыни, и только Фомин прибавил:

— Вы забыли, Григорий Семеныч, алмазные копи, клюквенный морс, маринованные грибы, трюфели, шелковичных червей и женьшень...

Все позавтракали с удивительным аппетитом, и каждому казалось, что он никогда еще не ел так вкусно. Одна Дарья Гавриловна молчала: ей трудно было сидеть, и каждое движение вызывало гримасу. Фомин и Костылев поглядывали на нее с затаенным злорадством: «Э, пусть второй раз не лезет, куда не следует!»

— Господа, здесь, конечно, хорошо, а мы не должны забывать, что к вечеру должны быть на Кибасе, чтобы не заночевать в лесу... — предупреждал Костылев. — Правда, остается всего верст пятнадцать...

Он намеренно убавил целых пять верст,

чтобы поддержать настроение. Впрочем, мужчины, когда выпили водки за процветание окружавшей их пустыни, ободрились и готовы были идти хоть к Северному полюсу. Дарья Гавриловна тоже выпила большую рюмку мадеры и получила способность слушать любезности сидевшего рядом с нею Люстига.

— Ну, господа, пора... — заявил Костылев, глядя на часы. — Парфен, смотри, не ошибись дорогой!..

— Эх, барин, неладно вы сказали... — ворчал «вож». — Слава богу, не впервой! А только вы под руку говорите...

Его беспокоило главным образом то, что в артели замешалась баба. «Уж это, известно, не к добру... И черт ее понес, подумаешь. Не бабьего это ума дело. Вон и Карл Карлыч увяз с ней, как косач на току...»

Дарья Гавриловна соображала про себя, что хотя пешком и будет идти трудненько, но все-таки лучше, чем ехать верхом по-мужски, да и отдохнуть можно.

— Теперь мы пойдем уже настоящим девственным лесом, — объяснил Костылев с

апломбом хозяина. — Прошу, господа, обратить внимание... Я тоже в первый раз здесь летом, а линию проходили зимой. Будемте в некотором роде пионерами цивилизации, Дарья Гавриловна... Не правда ли?

Председательский кучер отправился домой. Лошади бежали к родному стойлу без поводьев, с деловым видом.

Рекомендованный Костылевым девственный лес с первых шагов оправдал свое название. Сначала шли по какой-то тропе, которая потом, как в сказке, вдруг исчезла. Деревья поднимались все выше и точно сознательно загораживали заволочским пионерам дорогу. Хуже всего были лежавшие в разных направлениях, давно поваленные бурей или упавшие от собственной старости громадные деревья. Они поросли зеленым мохом и лишайниками, и приходилось через них перелезть с большим трудом. Этот бурелом и валежник отравлял буквально каждый шаг вперед. Особенно доставалось Дарье Гавриловне, которой благодаря коротким ногам приходилось перелезать через каждую колодину поребачьи.

— Дда-а... — повторял доктор, наблюдая смешно карабкавшуюся по колоднику жену. — Получается история с географией.

В довершение всего попали в моховое болото. Ноги вязли по щиколотку.

— Парфен, да ты куда нас завел, него-

дядь?! — ругался Люстиг, уставший помогать Дарье Гавриловне в ее акробатических упражнениях.

Парфен остановился, почесал в затылке и только покрутил головой. Зимой тут никакого болота не было.

— Известно, Карла Карлыч, лес... ну, лес и есть...

— А болото откуда?

— Зимой-то его не было, значит, этого самого болота...

— Дурак!..

Сделали передышку. Костылев, как всегда, чувствовал себя превосходно и восхищался даже болотом. Он не желал замечать, что члены экспедиции начинают на него коситься. Его сейчас больше всего занимала точно из-под земли выскочившая собака, настоящая промысловая лайка. Дарья Гавриловна сочла нужным по-дамски испугаться.

— А может быть, это волк?.. А вдруг она бешеная и укусит меня?..

— Што вы, барышня, зачем бешеная, — объяснил Парфен. — Просто глупый пес... Лыской звать... И какой хитрый живот: я-то не

хотел ее брать с собой, так она огородами бежала, а потом, значит, стороной за нами гналась. На стану и не подошла к нам, потому, мол, отправят вместе с конями домой...

— Да, миленькое путешествие... — ворчал Фомин.

— А мы скоро придем в эту деревню?.. — по-детски спрашивала Дарья Гавриловна. — У меня уж ноги промокли... Вы, Карл Карлыч, нарочно подсунули мне какие-то дырявые сапоги, чтобы у меня сделался насморк.

Примятая довольно снисходительно собака присоединилась к общей компании и с задорным лаем бросалась по сторонам, обнюхивая невидимые следы. Весь лес был наполнен самыми соблазнительными ароматами: пахло белками, лисицами, зайцами, тетеревами... Напав на след, она радостно взвизгивала и исчезала, как тень.

Дальнейшее путешествие являлось уже настоящим мучением. Дарья Гавриловна по минутно отдыхала, просила пить и капризничала.

— Знаете, что мы устроим? — говорил Фомин председателю. — Устроим волокушу и за-

пряжем в нее Люстига. Пусть везет свою даму.

Волокушами называют на севере самый оригинальный и очень остроумный экипаж: две длинных жерди привязываются по бокам лошади таким образом, что задние их концы волокутся по земле. На этих концах и устраивается сиденье. Жерди выбираются тонкие, чтобы качало. На таком экипаже можно везде проехать без дороги.

Решающий момент для всей экспедиции наступил тогда, когда пошел дождь. Крутом болото, и даже укрыться негде.

— Что же это такое? — проворчала Дарья Гавриловна, в изнеможении опускаясь на первую болотную кочку. — Григорий Семеныч, куда вы нас завели? У меня будет воспаление легких... перитонит... Это совсем не корректно с вашей стороны!..

— Да, действительно... как-то странно... — поддержал жену доктор.

— Господа, если вы припомните, я решительно никого не приглашал... — оправдывался Костылев. — Да, решительно никого...

— А кто зимой все уши нам прожужжал о красотах девственного леса, черт бы его по-

брал?! — наступал доктор, повышая голос.

— Пожалуйста, без компромиссов... — визгливо прибавила Дарья Гавриловна.

— Нам остается только заблудиться в этом проклятом болоте, — ворчал Фомин, обращаясь тоже к Костылеву.

— Господа, прежде всего необходимо выбраться из болота, — ответил Костылев, сохраняя спокойствие. — А там поговорим... Парфен, иди вперед... Господа, терпение...

Вся экспедиция как-то сразу получила самый жалкий вид. Пионеры заволочской цивилизации шагали с самым озлобленным видом, проклиная председателя. А дождь все продолжался. Часы показывали четыре. Костылев только теперь встревожился, именно когда Парфен оглянулся на него и почесал затылке. Экспедиция заблудилась... Придется ночевать в лесу, все промокнуто до нитки, запасов никаких. Одним словом, отлично... Приходилось идти по компасу наудалую. Через час Парфен вывел господ из болота, чему все обрадовались несказанно. По крайней мере, можно развести огонь и обсушиться.

Дорогой Костылев имел удовольствие слы-

шать, как друзья без особенных церемоний прохаживались на его счет, называя, например, идиотом, сумасшедшим и т. д. Он скрепя сердце делал вид, что ничего не слышит, и утешал себя поговоркой, что истинные друзья познаются только в игре и в дороге.

Парфен быстро устроил под развесистой елью громадный костер, а около него из мягких пихтовых ветвей ложе для барышни. Дарья Гавриловна повалилась на эту импровизированную постель и залилась настоящими слезами. Она и устала смертельно, и промокла, и хотела есть... Доктору пришлось ухаживать за ней, как за ребенком: он с трогательной заботливостью сушил над огнем все принадлежности ее костюма. Мужчины, конечно, ушли подальше и устроили себе другой костер. Здесь уже разыгралась настоящая драма.

— Это просто свинство! — решительно заявлял Люстиг, разместив кругом костра в живописном порядке подробности своего туалета. — Да, свинство...

— Это вы, кажется, по моему адресу? — заметил Костылев, начиная утрачивать хладно-

кровие.

— Если хотите, то по вашему...

— Вы... вы... вы...

Произошла очень бурная сцена, так что Фомину пришлось невольно принять на себя роль доброго гения.

— Господа, ради бога успокойтесь! Простая случайность... Я предупреждал, что мой барометр падает, Карл Карлович, а вы спорили и смеялись...

— Убирайтесь вы к черту с вашим барометром!..

— Позвольте, вы забываетесь, милостивый государь!.. Я... Я...

Тут пришлось вступить уже председателю, но враги накинулись на него с необыкновенным азартом. Костылев начал даже потихоньку отступать, потому что самые разумные и убедительные слова потеряли теперь всякий смысл.

— Куда вы нас завели... а?..

— У вас в голове зайцы прыгают!..

На шум и крик прибежал доктор. Он был в одном жилете и без шапки.

— Господа, пожалуйста, успокойтесь!.. —

убеждал он, делая самые трогательные жесты обеими руками. — У Дарьи Гавриловны лихорадка, может образоваться сыпной тиф, а вы тут поднимаете крик на целый лес... Дарья Гавриловна плачет... у нее истерика... Карл Карлыч, Аркадий Яковлевич, Григорий Семеныч!

— Убирайтесь вы к черту, то есть к вашей жене... да!..

Кто крикнул роковую фразу, осталось неизвестным, но доктор затрясся от бешенства и ни с того ни с сего бросился, подняв кулаки, к Костылеву. Что могло произойти среди этих промокших до костей героев, трудно сказать, но Парфен испугался и спрятался за кустом. Еще наотвечаешься за одуревших господ... Вон какая музыка пошла!..

— Микола милосливый, Успленья матушка... — шептал он, закрывая со страха глаза.

Когда он открыл глаза, ему сразу сделалось все понятно. Сначала предупредительно зарычала Лыска и сделала несколько прыжков к лесной опушке, по сейчас же вернулась и, поджав хвост, спряталась за хозяина.

«Господи, уж не медведь ли?» — подумал

Парфен.

Привычным охотничьим глазом он сразу заметил человека, прятавшегося за стволом сухарины, то есть высохшего на корню дерева. Собственно, он видел не самого человека, а только выставлявшуюся из-за дерева лысую, совсем как пасхальное яйцо, голую голову. Недаром Лыска, ходившая на медведя, так оробела и схоронилась за хозяйскую спину. В следующий момент Парфен, размахивая своей шапкой, уже бежал к продолжавшим галдеть господам и, задыхаясь на ходу, кричал:

— Барин... ваше благородие, Григорий Семеныч!.. Родимый мой!.. Ён пришел сам!..

— Кто ён?

— А который, значит, все время нам глаза отводил и в болото всех загнал... «старый шайтан»... ён самый... Эвон за деревом прячется!.. Ах, ты, господи, грех-то какой вышел!.. А я на барышню судачил, потому как неподобное дело женскому полу бродить по лесу без дороги... Я его сейчас предоставлю, старого колдуна!..

Никто ничего не понимал. Но появление «старого шайтана» сразу прекратило начи-

навшийся бой врукопашную, именно, когда доктор бросился с кулаками на Костылева.

IV

«Старый шайтан» продолжал стоять на старом месте. Это был невысокий, сгорбленный старик, одетый в лохмотья и даже не в лохмотья, а во что-то такое, чего разобрать было нельзя. Вернее сказать, этот костюм состоял из всевозможных заплат, причем куски материи мешались с вытертыми, изношенными кусками собачьего и оленьего меха. Он был без шапки и босой. Старое лицо тоже точно было составлено из отдельных кусков тонкой и сухой старческой кожи, а глубокие морщины показывали места бесчисленных швов. Узкие темные глазки, как у хищного зверька, совсем прятались под напухшими красными веками. На этом лице из кожаной мозаики волосы топорщились какой-то бурой шерстью, как лишайники на очень старых деревьях. Голова была совершенно голая, и только за ушами осталось по коротенькой прядке волос — остатки кос, какие носят вогулы.

Рядом со стариком стояла пестрая, черная, с ярко-желтыми пятнами, собака, точно застывшая в своей неподвижной позе. Она вся

была зрение и слух. Это был великолепный экземпляр породистой вогульской лайки, которой в лесу не было цены. Доказательством ее благородного происхождения были желтые круглые пятна на бровях, что знатоками-охотниками особенно ценится. Широкая грудь, тонкие ноги, задранный на спину кольцом пушистый хвост, острая морда и большие, необыкновенно живые глаза довершали картину редкого типа. К этому еще нужно добавить необыкновенную чистоту и особенный блеск густой шерсти, какой встречается только у лесных животных и уже теряется у домашних собак, вкусивших запретного плода цивилизации — собачьих конур, дворов и комнат.

«Старый шайтан» долго и внимательно смотрел, что делается у докторского костра, а потом как-то по-заячьи присел на корточки и удушливо захохотал. Именно в этот момент его и накрыл Парфен.

— Ты это чему обрадовался, старый шайтан?

— Депка смешной!.. Ух, какой смешной депка!..

Дарья Гавриловна перед костром сушила распущенные волосы и, действительно, имела оригинальный вид, потому что осталась в одних зеленых рейтузах. Зеленая блуза, беспомощно опустив пустые рукава, висела на колышке перед огнем.

— Ах, ты, старый шайтан!.. Это наша барышня... — объяснил Парфен, благочестиво отворачиваясь от соблазнительного зрелища.

— Депка... — упрямо повторял «старый шайтан» и опять хохотал, широко раскрывая свой беззубый рот. — Ух, какой смешной депка!..

Собаки сначала поворчали друг на друга и проделали все церемонии первого собачьего знакомства, особенно когда вогул сделал приятное открытие, что Лыска — дама. Впрочем, за излишне торопливые любезности он получил от Парфена удар ногой в бок, а Лыска преболжно рванула его зубами за ухо. Парфен обратил особенное внимание на берестяной заплечник, болтавшийся на спине «старого шайтана», и без церемонии открыл его.

— Эге, да тут и уха будет господам и косач на жаркое... Давленный косач-то?

— Давленный...

— Этакый ты черт-Иваныч... Ну, да ничего, не говори только господам, а самим им не догадаться, что ты силками душишь птицу.

— Стреляная скоро портится...

Появление «старого шайтана» произвело известную сенсацию. Всем вдруг сделалось стыдно. Ведь еще немного, и могла произойти настоящая свалка. И все это происходило на глазах постороннего человека, Парфена, который вернется домой и будет всем рассказывать, как дрались в лесу образованные господа. Вообще очень хорошо... Теперь, чтобы затушевать собственное смущение, все с особым вниманием отнеслись к «старому шайтану».

— Ты, братец... да... гм... Ты здесь живешь? — совершенно глупо спрашивал Люстиг.

— Везде живу... — отвечал старик, улыбаясь своей беззубой детской улыбкой.

— У тебя дом есть где-нибудь?..

— Какой у него дом, Карла Карлыч, — объяснил Парфен. — Летом-то по лесу шляется... Наладит себе шалашик из еловой коры и

спит в нем, а зимой околачивается около добрых людей. В избы-то его не пускают, ну, так он по баням живет.

Фомин занялся рассматриванием ружья «старого шайтана». Это была самая старинная малопульная винтовка с самодельной ложей. Как старик ухитрился убивать из нее белок и куниц, трудно было понять.

— Да, орудие... — заметил Парфен тоном специалиста. — А шайтан из нее вот как лихо запаливает. Белку прямо в голову бьет... Он из рыбы кожу умеет делать. Ну-ка, шайтан, покажи господам свою рубаху.

Рубаха оказалась верхом вогульского искусства. Она была действительно сделана из выделанной рыбьей кожи и сшита беличьими жилами.

— Настоящий пещерный человек, — определил доктор. — Интересный экземпляр вообще. Прямо для этнографического музея.

Костылев ничего не спрашивал «старого шайтана», не осматривал его, а просто налил походный серебряный стаканчик водки и молча поднес его старику. «Старый шайтан» взял стаканчик, перекрестился и выпил, бла-

женно закрыв глаза.

— Да ты разве православный, старик? — удивлялся Фомин.

— Мой четыре раза православный!.. — не без гордости ответил «старый шайтан». — Два раза отец крестил да два раза сам себя крестил... Рубаха получал, крест получал... потом острог сидел...

— Это его, ваше благородие, за омман в острог-то садили, — объяснял Парфен, — потому не омманывай попов, что некрещеный. Исправник-то тебя драл, шайтан?

— У! у!.. Шибко драл... Шайтан умирать хотел...

Всем это показалось очень смешным, и «старый шайтан» получил от Люстига второй стаканчик водки,

— Бы ему не очень втравлийте водку, Карла Карлыч, — заметил Парфен не без зависти. — Много ли старику надо... Ему-то, сказывают наши старики, больше ста лет. А напьется прежде время и из лесу не выведет...

— Разве мы заблудились? Этого еще не доставало!.. Господа, поздравляю!.. Парфен, да ты сбесился?.. Как ты смел, каналья!.. А?..

— Ваше благородие, Карла Карлыч, моей тут причины никакой нет, — смело оправдывался Парфен. — Зимой ездили с Григорий Семенычем, — никакого болота не видали... Я и сам дивился: откуда болото взялось? А это, Карла Карлыч, ён глаза отвел, шайтан... Уж я верно вам говорю. Рукомесло-то у него известное... Ни одной свадьбы без него не играют у нас. Самый вредный человек... Известно, живет в лесу и с разной нечистой силой знается. Даве как напугал у меня Лыску... Я уж подумал, не медведь ли, грешным делом.

— Так он, по-твоему, колдун?

— Известно, колдун... Ён все может: и кровь заговаривает, и килу устроит в лучшем виде, и глаза отведет. Бабы, которые выкликают, до смерти его боятся. Это у него разлюбезное дело, штобы в бабу запустить беса... У него, ваше благородие, на все есть свой заговор.

— И травами лечит? — спросил доктор.

— И травами и кореньями, а главное — наговорами. Он слово знает...

— Какое слово?

— А это уж он знает... Наши мужички дав-

но собираются его порешить, да только страшно: не прост человек.

«Старый шайтан» слушал и улыбался своей детской улыбкой.

— Шайтан, знаешь слово? — спрашивал его Люстиг.

— Знаю много слов... хорошие слова...

— Ён, ваше благородие, и зверя и птицу заговаривает... Идешь рядом с ним по лесу и ничего не видишь, а ён хлоп да хлоп из своей орудии. А рыбу удит перстом. Своими глазами видел: опустит руку в воду, оттопырит один перст, ну, рыба к нему и бежит.

— Может быть, рыба принимает его палец за червя?

— Нет, она тоже не бросится зря, значит, рыба... Хитрая она... А ён ее сцапает и тут же живую съест. Да вот у него и сейчас, ваше благородие, в заплечнике и тетерька и рыбина. Мы-то шли по лесу и ничего не видели, а он зацепил тетерьку.

Последнее всех обрадовало. Значит, будет и уха и жаркое. Все уже испытывали первые приступы голода.

Доктор только теперь вспомнил, что жена

сидит у своего костра одна, и торопливо направился к ней с радостной вестью об ужине. Дарья Гавриловна встретила его с особенной суровостью.

— Это очень хорошо с вашей стороны бросать меня одну... Вы там деретесь, а я тут хоть пропадай... Очень корректно!..

— Никто не думал драться, а только вышел крупный разговор... да...

Он торопливо рассказал об интересном колдуне, о том, что они заблудились, что будет ужин. Дарья Гавриловна успокоилась. Она успела высушить свое платье и была довольна, что дождь перестал идти. А провести ночь в лесу у костра даже весело... Когда зашел разговор об ужине, она огорчила мужа хозяйственным вопросом:

— А где же у нас соль?

Доктор не нашел ничего сказать лучше, как обвинить председателя, который должен был предусмотреть все.

— Он кругом виноват, Даша... Ах, негодяй!.. А колдун — преинтересный субъект и ест рыбу живую без всякой соли... да...

— Ну, это уж совсем нецелесообразно!..

Скоро вся компания собралась около костра под елью. Стояла темная июльская ночь. Где-то в болоте скрипел неугомонный коростель. Общее внимание сосредоточивалось теперь на «старом шайтане», который сидел перед огнем на корточках. Водка на него сильно подействовала, и он улыбался блаженной улыбкой.

— Сколько тебе лет, дедушка? — спрашивала Дарья Гавриловна.

— А я забыл... Парфен говорит, что больше ста...

— У тебя родные кто-нибудь есть?

— Все подох... Много было, а хлеба было мало... зверя мало, птицы мало...

«Старый шайтан» совершенно не к месту засмеялся, точно вспомнил какой-нибудь веселый анекдот. Он говорил ломаным русским языком, но его можно было понять.

— Совершенно дикарь... — брезгливо заметил Люстиг, пожимая плечами.

— А разве тебе их не жаль, покойных родственников? — продолжала экзаменовать Да-

рья Гавриловна. — Ведь не чужие были...

Слово «жаль» оказалось совсем непонятным старику, как ни старались его объяснить.

— Подох... околел... — бормотал он, продолжая улыбаться. — И ты околеешь...

— А давно это было, когда подохла твоя родня?

— Ух, давно!.. Водка был дорогой тогда...

У «старого шайтана» была своя хронология: он считал по цене на водку, то есть когда был откуп и когда появился акциз. Всем это казалось очень забавным, и все чувствовали себя весело. Парфен сварил в чайнике уху, но не было хлеба и соли. Дарья Гавриловна захватила с собой только несколько пирожных и фунт карамелек.

— А что же, это будет очень оригинально, — заявил Люстиг. — Кажется, еще никто не ел уху с карамельками и пирожным.

— Сахар заменяет до известной степени соль, — прибавил доктор.

Уху съели и без соли, а затем съели зажаренную в золе тетерьку, причем как-то забыли, что «вож» Парфен и «старый шайтан» то-

же хотят есть. Костылев почти все время молчал. Ему не нравился тон, каким разговаривали со стариком-вогулом цивилизованные люди. Потом зачем Дарья Гавриловна угощает старика водкой?

— Шайтан, а ты бывал в городе?

— Очень бывал... три раза бывал... Острог сидел...

— За что же тебя в острог садили?

— А не знаю... Бумагу требовал начальник, у шайтана бумага нет...

— За бесписьменность судился, — объяснил Парфен. — Значит, начальство паспорта требовало...

— Нехорошо в остроге, шайтан?

— Зачем плохо? Два раза в день кормили... Ух, хорошо!.. Потом шайтана на суде судили... лишили всех прав состояния...

— А какие у тебя права?

— Не знаю... начальство знает...

— Ну, как же ты теперь без всяких-то прав живешь?

— Ничего, живу...

Все хохотали. Что может быть, в самом деле, смешнее дикаря, лишенного каких-то ми-

фических прав? Смеялся вместе с другими и «старый шайтан». У него было единственное право — умирать с голоду, — и этого священного права не могла его лишить даже самая сердитая власть.

— У нас сегодня этнографическая ночь, — заметил доктор, любивший научные определения. — Не правда ли, Григорий Семеныч? Что вы все время молчите?

— Да так... не говорится. Да и спать пора, господа. Завтра рано придется встать. Предупреждаю...

Был уже девятый час, и все охотно согласились с этой счастливой мыслью. Парфен очень искусно устроил «девственное ложе» для Дарьи Гавриловны. Он надрал моху, наломал мягких пихтовых веток и даже пожертвовал собственный зипун.

— Настоящая перина будет, барышня...

— Я боюсь одна спать, господа, — предупредила Дарья Гавриловна. — Пожалуйста, не бросайте меня на произвол судьбы, как давеча... Это будет некорректно с вашей стороны.

Кругом ели устроилось настоящее становище. Каждый устроился, как хотел. У огня

оставались Костылев и «старый шайтан». Старик сильно захмелел, крутил время от времени своей головой и продолжал улыбаться.

— Зачем ты водку пьешь, шайтан? — спрашивал Костылев, раскуривая папироску.

— Ух, люблю!.. Шибко люблю!

— Потом будешь хворать... голова заболит...

— У меня не болит...

Молчание. Тихо-тихо кругом, точно в пустой церкви. Изредка эта тишина нарушалась только теми неясными звуками, которые по ночам слышатся в лесу и происхождение которых трудно объяснить. Осторожно ли крадется хищный зверь, шарахнулась ли шальная ночная птица, стучит ли собственная кровь в ушах — ничего не разберешь. Вековой лес стоит темной загадкой, в нем чувствуется что-то недосказанное, какая-то затаенная дума... Фантазия невольно разыгрывается, но — увы! — у цивилизованного человека она, как ощипанная птица, бессильна подняться с земли. Костылев с завистью смотрел на дикаря-вогула, для которого лес был живым существом и говорил с ним тысячью го-

лосов. Да, тут было все живое, и незримо витали в воздухе добрые и злые духи. В каждом шорохе слышался их таинственный шепот, предупреждающий, повелительный, вещий.

— Почему ты остался здесь? — спрашивал Костылев начинавшего дремать «шайтана». — Ведь другие вогулы давно переселились за Урал, на Лозьву... Ты помнишь, как они уходили отсюда?

— Шибко помню... Там лучше — вот и ушли.

— А ты почему не пошел с ними?

— Мне нельзя... Они — простые вогулы, а я — князь.

— Ты князь?..

— Шибко князь... князь Кивакта... Меня русские шайтаном зовут, а я — князь. Когда начальник меня драл, я и ему не сказал, что я — князь Кивакта... Шибко драл, а мне смешно... Мне нужно его было драть, а я молчал. И в остроге молчал... Вот я и остался здесь. Все мое здесь, каждое дерево...

— Это казенная дача...

— Я не отдавал ее никому... Я ее берегу... каждое дерево берегу...

— А вот я проведу дорогу, и поселятся в твоём лесу русские?

— Пусть селятся, а все-таки все место мое... Я не могу его отдать никому.

— А когда ты умрешь, тогда что будет?

«Старый шайтан» посмотрел на Костылева своими темными глазками и засмеялся, как смеются над наивным ребенком.

— Тогда все вогулы вернутся сюда и прогонят всех русских, — уверенно проговорил он. — О, вогулов много, как листьев на дереве!.. Вогулы самый сильный народ... Вот ты строишь для них свою дорогу... И все другие будут работать для вогулов... Я уж видел в Усолье, какие для них устроены русскими железные лодки и железная лошадь... Все это для вогулов... Они только ждут, когда им идти... Вернутся и все покойники... они только отдыхают пока... Все покойники придут. Старый шайтан все знает, только молчит... И я буду управлять своим народом, а ты будешь мне кланяться... Все вогулы будут есть каждый день и все будут счастливы...

«Старый шайтан» долго говорил о светлом вогульском будущем и улыбался блаженной,

детской улыбкой.

1903 [2]

Примечания

1

Чтобы быть красивой — надо пострадать
(франц.).

[^^^]

Впервые опубликован в газете «Русские ведомости», 1903, No№ 142 и 144, от 25 и 27 мая. Включен автором в состав «Сибирских рассказов» в 1905 году. Печатается по тексту: «Сибирские рассказы», т. III, М., 1905.

[^^^]